

"ТРИУМВИРАТ" ВО ГЛАВЕ "СОВРЕМЕННОКА"

Новая обстановка сложилась к этому времени в редакции "Современника". Еще перед отъездом Некрасова сюда пришел студент педагогического института Николай Добролюбов со своей первой статьей; она была напечатана Чернышевским осенью 1856 года. Когда редактор журнала возвратился, Чернышевский представил ему молодого критика, своего единомышленника, уже успевшего за минувший год зарекомендовать себя серьезной работой в журнале.

Некрасов одобрил этот выбор и, не колеблясь, согласился привлечь Добролюбова к постоянной работе. С осени 1857 года Чернышевский поручил ему вести важнейший отдел журнала - литературную критику и библиографию. Некрасов сказал Добролюбову, что просит его писать в журнал сколько успеет, "чем больше, тем лучше". А еще через несколько месяцев Добролюбов стал одним из членов редакции журнала, наравне с Некрасовым и Чернышевским. Поистине только Некрасов с его опытным глазом мог с такой смелостью привлечь к работе молодых, начинающих журналистов, а ведь именно им предстояло в сложной обстановке 60-х годов определять своей деятельностью лицо и направление журнала.

А. Н. Пыпин свидетельствует: "... Со времени вступления в "Современник" новых сотрудников старый приятельский кружок отнесся крайне враждебно не только к этим сотрудникам, но и к самому Некрасову. На него посыпались бесконечные укоризны". Легко представить себе, как раздражен был "старый кружок", когда вслед за Чернышевским в редакции появился еще один "семинарист" - Добролюбов. Новичок казался им мальчишкой, не имевшим ни солидной подготовки, ни репутации.

Многие из них довольно долго не знали, кому же принадлежат критические статьи и библиография, которые анонимно появлялись в каждой книжке журнала. Боткин, Григорович обращались к Некрасову с вопросами по этому поводу, но он обычно отшучивался и уклонялся от ответа. Однажды Боткин проявил настойчивость:

- Признайся, Некрасов, ты, говорят, выкопал своего критика из духовной семинарии?

- Выкопал, - отвечал Некрасов. - Это мое дело. Примерно такой же разговор позднее произошел у

Некрасова с Тургеневым. Как вспоминает Панаева, Тургенев заявил, что "Современник" скоро станет исключительно семинарским журналом: что ни статья, то автором оказывается семинарист!

- Не все ли равно! - возражал Некрасов. - Кто бы ни написал статью, лишь бы она была дельная!

Понятие "семинарист" для обоих собеседников, конечно, обозначало тогда нечто большее, чем просто воспитанника семинарии, - подразумевался разночинец, демократ, интеллигент из народа.

Некрасов и Чернышевский получили с приходом Добролюбова сильное подкрепление, соотношение сил в "Современнике" заметно менялось, что не замедлило сказаться на облике журнала. "Редакционный триумvirат", стоявший теперь во главе "Современника" (три Николая, как пошутил кто-то), стремился придать ему характер боевого органа русской демократии.

Добролюбов оказался неутомимым тружеником, человеком идеи и долга. И даже те, кто скептически отнесся к появлению этого "мальчишки" в редакции солидного журнала, вскоре должны были отдать должное его уму, знаниям, одаренности. Что же касается Некрасова, то он скоро по-настоящему привязался к новому сотруднику, полюбил его как сына и постоянно о нем заботился. По выражению Чернышевского, любовь к Добролюбову освежала сердце

Некрасова. Редактор "Современника" всячески старался укрепить авторитет молодого литератора в глазах писателей старшего поколения. Так, еще в конце 1857 года он заранее готовил Тургенева, оставшегося за границей, к предстоящему знакомству с новым сотрудником: "Читай в "Современнике" "Критику", "Библиографию", "Современное обозрение", ты там найдешь местами страницы умные и даже блестящие: они принадлежат Добролюбову, человек очень даровитый".

Тургенев заинтересовался этими статьями; читая их в Париже, он посылал запросы то Панаеву, то Боткину: "Кто этот Лайбов?"

Однако по приезде в Петербург Тургенев занял недружелюбную позицию по отношению к Добролюбову; он раздражался его независимостью в суждениях, равнодушием к авторитетам, побаивался его острого языка. Постоянно бывая в редакции, Тургенев с явным удивлением смотрел на привязанность Некрасова к молодому критику. Тургенев ходил по пятам за Некрасовым, и многие замечали, что он ревнует его к Добролюбову.

На петергофской даче у Некрасова каждый месяц собирались за обеденным столом сотрудники - старые и новые. Здесь те, кто еще не знал Добролюбова, имели возможность внимательно к нему приглядеться. Он сидел всегда спокойный и невозмутимый. Высокий, с крупными чертами лица, в очках, он был похож на строгого педагога или протестантского пастора (таким запомнил его П. М. Ковалевский). Рядом с ним чаще всего сидел Чернышевский, бледный и худощавый, с длинными светлыми волосами, в золотых очках. Один из таких обедов, напоминавших выставку цвета русской литературы, описан в воспоминаниях Ковалевского.

Некрасов разливал суп в голове длинного стола, Панаев - щи в противоположном конце. За столом сидели Тургенев, Анненков, Гончаров, Островский, Полонский, Дружинин, Чернышевский, Добролюбов. Представители "новых людей" обычно не принимали участия в общей оживленной беседе. Они больше молчали и слушали, не скрывая несколько иронического отношения к окружающему. Один только раз, когда заговорили о некоем стихотворце, который писал оды Николаю I и хлопотал о перемене своей фамилии на фамилию Николаевский, Добролюбов довольно громко сказал:

- Как переименовали Грязную улицу...

Дело в том, что Грязная улица в Петербурге недавно была переименована в Николаевскую {Теперь улица Марата.}.

Услышав меткое слово, Анненков поднял над тарелкою ладони и изобразил ими рукоплескание. Но там, добавляет Ковалевский, это не было даже замечено...

Однажды Некрасов заехал по делу к Добролюбову, жившему на Фонтанке, и был поражен его сырой и неуютной квартирой с обвалившейся штукатуркой, с жалкой хозяйской мебелью. Он тут же отправился к Чернышевскому и сказал ему:

- Я сейчас был у Добролюбова, я не представлял себе, как он живет. Так жить нельзя, надобно приискать ему другую квартиру. Неужели вы не могли сказать мне об этом раньше?

Чернышевский смутился: ему частенько случалось бывать у своего нового друга, но он никогда не замечал недостатков его квартиры.

Некрасов не бросал слов на ветер. Уже через несколько дней Добролюбов расстался со своим жилищем на Фонтанке и переехал прямо на "литературное подворье": Некрасов поручил Авдотье Яковлевне спешно привести в порядок две Комнаты, находившиеся рядом с их новой большой квартирой на Литейном проспекте, угол Бассейной (в доме Краевского), где они поселились в августе 1857 года (здесь Некрасов прожил последние двадцать лет своей жизни). Часть этой квартиры занимала редакция "Современника". Комнаты Добролюбова были отделены от большой квартиры площадкой, через которую, как вспоминал брат критика Владимир, "мы выходили в кухню и квартиру Панаева".

Так Добролюбов стал жить почти вместе с Некрасовым и Панаевыми. Большую часть времени он находился на их половине. Утром, часто после ночи, проведенной за столом, он приходил пить чай к Авдотье Яковлевне, рано встававшей. Днем здесь же обедал, а после обеда часто оставался работать вместе с Некрасовым - они занимались чтением рукописей, корректурами, говорили о делах журнала и составляли планы ближайших номеров. Чернышевский рассказывает, что они любили работать вместе, советуясь и помогая друг другу. Некрасов все больше ценил своего сотрудника; по мере того как перед ним раскрывались его светлая душа и благородный образ мыслей. Поэтому он был очень доволен, когда однажды Тургенев (после какого-то разговора с Добролюбовым) пришел к нему и выразил свое удивление по поводу исключительной образованности и начитанности молодого литератора. - Я тебе говорил, что у него замечательная голова, - отвечал Некрасов. - Это, брат, русский самородок... Через десять лет своей деятельности он будет иметь такое же значение в русской литературе, какое имел Белинский. Надо сказать, что, наблюдая за личностью Добролюбова, читая его статьи, знакомясь с его взглядами, Некрасов довольно часто вспоминал о Белинском.

* * *

Положение Некрасова как редактора и поэта в эти последние годы десятилетия было необычайно сложным. Он оказался в центре кипевшей идейной борьбы, в центре противоположных влияний - со стороны старых друзей, авторитет которых еще не померк в его глазах, и со стороны "новых людей", которых он не мог не поддерживать, ибо это отвечало его образу мыслей и представлению о направлении журнала.

Правда, он делал попытки примирить обе стороны, но словам М. А. Антоновича, "Некрасову, видимо, не хотелось прерывать всякие связи, а тем более враждовать с давнишними приятелями, и он всячески старался устроить между ними и новыми сотрудниками хотя какой-нибудь дурной мир..." Он энергично защищал Чернышевского перед Толстым; в письмах Тургеневу то хвалил статьи Чернышевского в "Современнике" (30 июня 1857 года), то дипломатически упоминал о "печати односторонности", которую тот будто бы успел наложить на журнал (27 июля 1857 года), то подчеркивал, что увеличением подписки на 1858 год "Современник" обязан именно Чернышевскому (сентябрь 1858 года).

Однако все это было нужно и важно лишь до той поры, пока сохранялась надежда на возможность некоторого единства внутри редакции. Как только определилось, что такого единства не будет, Некрасов перестал заботиться об "обязательном соглашении", которым уже начинал тяготиться, и стал думать о привлечении новых талантливых писателей, которые могли бы сознательно поддержать уже сложившееся направление "Современника".

Лицо журнала теперь все больше определялось идейным единомыслием его руководителей. Некрасов почувствовал твердую опору в своих молодых сотрудниках, обнаруживших такие драгоценные для литераторов качества, как широкий кругозор, литературная одаренность, эстетический вкус и высокая принципиальность. К тому же и Чернышевский и Добролюбов были горячими почитателями некрасовской поэзии, они нашли в ней выражение тех мыслей и взглядов, которые исповедовали сами; они так высоко ценили Некрасова, что порой впадали в преувеличения (сам Некрасов их не одобрял) и были несправедливы к его великим предшественникам.

"Такого поэта, как Вы, - писал Некрасову Чернышевский 5 ноября 1856 года, - у нас еще не было. Пушкин, Лермонтов, Кольцов, как лирики, не могут идти в сравнение с Вами".

Это заблуждение в отношении Пушкина и Лермонтова можно понять. Некрасов с большой силой писал о предметах, наиболее важных для его соратников: о русском крестьянине, о его нужде и горе, о мнимых друзьях народа - либералах, подчас более опасных, чем враги явные, с невиданной до того остротой поднимал больные вопросы современности. Наконец, его поэзия развивалась в русле гоголевского направления, а Чернышевский, как известно, считал, что "давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России".

На первый взгляд может показаться странным, что критики-друзья, придавая поэзии Некрасова столь важное значение, не посвятили ей ни одной рецензии. Но это объясняется просто: писать о Некрасове в журнале, который он сам издавал, было невозможно. Когда Чернышевский решил перепечатать в "Современнике" три его стихотворения, он сопроводил их таким примечанием: "Читатели, конечно, не могут ожидать, чтобы "Современник" представил суждение о стихотворениях одного из своих редакторов. Мы можем только перечислить пьесы, вошедшие в состав изданной теперь книги..."

Сообщая об этом Некрасову в Рим, автор письма прибавил: "Я даже не сказал ни одного слова о сочувствии публики, чтобы не говорили: "Сами себя хвалят!"

Однако ему хотелось серьезно поговорить о стихах Некрасова, причем "не с политической, а с поэтической точки зрения", и он вступил в переговоры с Дружининым по этому поводу. "Мне очень хотелось написать о Ваших стихотворениях. Поэтому я просил Ивана Ивановича сказать Дружинину, что я желал бы поместить в "Библиотеке для чтения" статью о Вас, - и не успокоившись на этом, сам был у Дружинина с выражением того же желания. Он принял меня, как и сообразно с его правилами, очень любезно, но отвечал, что сам уже написал статью о Вашей книге (это справедливо), - впрочем, я и полагал, что он не согласится, - ведь дело идет о принципах, по мнению Дружинина, и было бы изменою этим принципам позволить мне писать в "Библиотеке" о таком предмете, как Ваши стихотворения" (5 ноября 1856 года) {Статья Дружинина не появилась в "Библиотеке для чтения". Поэтому долгое время считалось; что упоминание о ней в разговоре с Чернышевским было лишь хитростью со стороны Дружинина, старавшегося деликатно отклонить предложение сотрудника "Современника". Между тем статья не была напечатана в силу официального запрещения писать о Некрасове. Рукопись этой весьма любопытной статьи (первая ее часть) сохранилась и недавно была опубликована в "Некрасовском сборнике" (вып. IV, 1967).}

Что хотел Чернышевский сказать о поэзии Некрасова? Об этом можно судить по его письмам к поэту от 24 сентября и 5 ноября 1856 года. Решительно отвергая слова Некрасова -

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой тяжелый, неуклюжий стих, -

он писал: "Вам известно, что я с этим не согласен. Свобода поэзии не в том, чтобы писать именно пустяки, вроде чернокнижия или Фета (который, однако же, хороший поэт), - а в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа. Фет был бы не свободен, если бы вздумал писать о социальных вопросах, и у него вышла бы дрянь; Майков одинаково несвободен, о чем ни пишет - у него все по заказу... Гоголь был совершенно свободен, когда писал "Ревизора" - к "Ревизору" был наклонен его талант..." Некрасов же, по мнению автора письма, одинаково свободен во всех проявлениях своего таланта.

"Вы теперь лучшая - можно сказать, единственная прекрасная - надежда нашей литературы... Помните, однако, что на Вас надеется каждый порядочный человек у нас, в России", - обращался Чернышевский к Некрасову.

В полном согласии с мнением Чернышевского находятся и суждения Добролюбова. Уже в первой своей статье, опубликованной в "Современнике" (о журнале XVIII века "Собеседник любителей русского слова"), он отнес стихи Некрасова к лучшему, что есть в нашей* словесности, и поставил их в один ряд с произведениями Гоголя (в тексте журнала вместо фамилии Некрасова стояли три звездочки).

В конце 50-х годов поэзия Некрасова крепла и развивалась, можно сказать, уже на глазах у Добролюбова, пристально за ней следившего. В совместной борьбе против реакционной литературы и журналистики, против эпигонской лирики, в общей работе над сатирическими стихами для "Свистка" (так назывался основанный Добролюбовым юмористический отдел в "Современнике") окончательно выработывался его взгляд на Некрасова как истинно народного русского поэта, отбросившего все "предрассудки сословий" и сумевшего проникнуться "народным духом".

Добролюбов не только знал все, что писал Некрасов, но, несомненно, был в курсе многих его замыслов, которым не суждено было осуществиться; он знал, а иногда и хранил у себя те его стихи, которые не могли увидеть света. Именно потому он с такой уверенностью восклицал в письме к приятелю: "Боже мой, сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если б его не давила цензура!" (20 сентября 1859 года).

Все это привело Добролюбова к мысли, что в случае осуществления крестьянской революции, на которую в предреформенные годы надеялись русские "мужицкие демократы", именно Некрасову суждено стать ее певцом. Думается, иначе нельзя понять письмо Добролюбова к Некрасову из Италии (август 1860 года), в котором он призывает поэта к "серьезной деятельности", убеждает, что русская мысль, "несмотря ни на что", должна "притти к делу" (по терминологии передовых публицистов того времени под "делом" понимали борьбу за освобождение, то есть революционное дело), и даже ставит ему в пример Гарибальди, очевидно, под впечатлением революционных событий в стране, где русский литератор провел несколько месяцев.

В этом же письме Добролюбов, почти повторяя слова Чернышевского, сказанные Некрасову несколькими годами раньше, с той же прямотой и тем же преклонением писал ему: "... Вы, любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила..."

Чем более зрелой становилась гражданская муза Некрасова, тем более горячую поддержку встречала она у "новых людей", у молодого поколения. И тем холоднее относились к ней критики-эстеты, недавние друзья. Контраст в оценках был разительный.

Если единомышленники Некрасова видели в нем первого поэта своего времени, равного Пушкину, если диалог "Поэт и гражданин" был для них манифестом всей новой поэзии (и Чернышевский подтвердил это перепечаткой его в "Современнике"), то Дружинин, например, без церемоний заявил в письме к Тургеневу, что весь "Поэт и гражданин", за исключением одного отрывка, "не стоит трех копеек серебром, а вреда литературе он сделал на сто рублей" (18 ноября 1856 года) {Подразумевались цензурные репрессии, которые угрожали "Современнику" и близким к нему писателям.}. Показательно, что Дружинин считал возможным писать в таком тоне именно Тургеневу. А тот, может быть, и не был вполне согласен с Дружининым, но возражать ему все-таки не стал. Такое отношение к стихам Некрасова со стороны "эстетической критики" не было секретом для его ближайшего окружения. Словно прочитав слова Дружинина, Чернышевский обронил в одном из писем к Тургеневу такую фразу: "... Вы лучше меня должны знать, что по мнению этих господ - стихи Некрасова дрянь" (апрель - май 1857 года). Господа - это Дружинин, Боткин, Дудышкин (критик "Отечественных записок"). Чернышевский пишет о них Тургеневу, и это показывает, что он, безусловно, отделяет его от тех "господ", понимая, что у него и у них должны быть разные мнения. Тургенев был наиболее своим из всех давних соратников Некрасова.

Это, конечно, так. И все же в душе Тургенев постепенно охладевал к некрасовской поэзии, хотя и не говорил об этом прямо. Тургенев и Некрасов еще связывали давние дружеские отношения, но автору "Рудина" уже не нравился все более откровенный демократизм некрасовских стихов, далеко не всегда ласкавших ухо.

По правде говоря, и о таком событии, как выход сборника стихов Некрасова, Тургенев отзывался по-разному. Он говорил в письмах об его исключительном успехе, но чем объяснялся этот успех, по мнению писателя? Не только действительными заслугами поэта, но еще и тем, что он сумел угодить "публике": "... успех Некрасова - дело знаменательное. Публике это нужно - и потому она за это хватается" (из письма Боткину от 25 ноября 1856 года). Некрасов не мог не ощущать сдержанного или неприязненного отношения к своим стихам со стороны людей, мнением которых он привык дорожить. Это, несомненно, отдаляло от них поэта. И наоборот, укреплялась его духовная связь с теми, в ком он находил своих единомышленников, понимавших, ценивших его поэзию. К тому же он видел внутреннюю цельность "новых людей", их неспособность на компромиссы, полную свободу от барских замашек и предрасеудков, наконец, их безоговорочную преданность народному делу. Однажды Некрасов сказал Панаевой о Добролюбове:

- Это такая светлая личность, что, несмотря на его молодость, проникаешься к нему глубоким уважением. Этот человек не то что мы: он так строго сам следит за собой, что мы все перед ним должны краснеть за свои слабости, которыми заражены...

* * *

В предреформенное время, в годы назревания революционной ситуации началась новая полоса в творческом развитии Некрасова, отмеченная зрелой социальной мыслью, овеянная революционным вдохновением.

Первое и важнейшее произведение этого времени - "Размышления у парадного подъезда" (написано в 1858 году), где совмещены лирическая публицистика и едкая сатира, печальная песня и крик души, уязвленной зрелищем "бедствий народных". Две стороны, два полюса тогдашней жизни сталкивает здесь поэт, две России возникают перед читателем, - одну представляет "владелец роскошных палат", утопающий в неге, презирающий оборванную "чернь", другую - нищие мужики из каких-то дальних губерний, пригнанные сюда, к этим палатам, крайней нуждой и смутной надеждой на помощь всемогущего вельможи.

Стихотворение отличается искусным построением, это целая повесть в стихах, картина жизни и вместе с тем - размышление о ней. Описание парадного подъезда, к которому по праздникам съезжаются визитеры, одержимые "холопским недугом", сменяется рассказом о крестьянах-просителях, перед которыми захлопнуты "заветные двери", открытые для знатных и богатых; в этом рассказе некрасовская живопись достигает неприкрашенной суровой точности:

Загорелые лица и руки,
Армячишко худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых...

По всему видно, что в "роскошных палатах" обитает крупный государственный чиновник, может быть, министр ("Не страшат тебя громы небесные, а земные ты держишь в руках..."). От него зависят судьбы людские, судьбы крестьянские, он мог бы, если бы захотел, помочь и этим мужикам из дальних губерний; но - "счастливые глухи к добру...".

Недавно было доказано {См. сообщение А. Гаркави "О владельце роскошных палат", "Русская литература", 1963, №1.}, что, создавая образ царского сановника, поэт имел прототипы, многие их признаки угадываются в стихотворении.

Путь к этим догадкам указала еще А. Я. Панаева, сообщив историю возникновения "Размышлений у парадного подъезда". По ее воспоминаниям, в одно осеннее утро она увидела из окна своей квартиры на Литейном, как швейцар, а затем дворники и городской гнали толпу крестьян-ходоков от подъезда дома, находившегося надругой стороне улицы. Некрасов тоже видел эту картину.

Дом напротив принадлежал министерству государственных имуществ, и жид в нем сам министр М. Н. Муравьев, будущий усмиритель польского восстания, человек, которому суждено было сыграть в дальнейшем трагическую роль в жизни Некрасова. Это был один из самых реакционных и жестоких деятелей старой России. Министерство, которым он управлял в те годы, ведало государственными крестьянами. И не удивительно, что именно к муравьевскому подъезду с разных сторон шли ходоки со своими жалобами.

Некрасов, конечно, знал министра, когда создавал образ владельца "роскошных палат", недаром он придал ему некоторые признаки Муравьева - близость к государственной власти, равнодушие к скорби народной, упоение лестью и т. д. Но, рисуя дальше воображаемую кончину престарелого сановника "под пленительным небом Сицилии", он имел в виду уже другое лицо. На это указал Чернышевский в "Заметках о Некрасове", писанных в Сибири. Он

вспомнил один из рассказов Некрасова, только что вернувшегося тогда из путешествия по Италии, о том, как на берегу лазурного моря "дряхлый русский грелся в коляске на солнце... Фамилия этого старика - граф Чернышев". По словам Чернышевского, именно его последние дни описаны в некрасовском стихотворении:

Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, - как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Граф Чернышев действительно умер близ Сорренто, где незадолго до этого побывал Некрасов. Останки графа действительно привезли в Россию и похоронили в его подмосковном имении. Некрасову пригодились все эти реальные подробности только по одной причине: Чернышев был крупнейший деятель предыдущего царствования, военный министр Николая I, фаворит царя, душитель декабристов. Это была фигура, вполне достойная стать рядом с Муравьевым, личность, возвеличенная официально, но вполне заслужившая проклятия отчизны. Последняя часть стихотворения - собственно "размышления" автора по поводу увиденной на улице сцены. Эти знаменитые стихи ("Назови мне такую обитель...") стали любимой песней студенчества и разночинной молодежи задолго до того, как они появились в печати: стихотворение быстро разошлось по рукам в списках и во много раз умножило популярность поэта в читательских кругах. Только в 1860 году один из этих списков дошел до Лондона и был напечатан в "Колоколе" под названием "У парадного крыльца" (без имени автора); Герцен сделал к своей публикации такое примечание: "Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить". В России же стихи не могли появиться в печати до 1863 года.

В последних строках "Размышлений..." идейный центр стихотворения, его кульминация, может быть, именно то, ради чего оно написано:

... Где народ, там и стон... эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинувшись закону,
Все, что мог, ты уже совершил, -
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

Этот вопрос постоянно преследовал Некрасова. Его волновала мысль о темноте народа, об его веками сложившемся долготерпении. Еще в "Саше" он задумывался над тем, как "человека создать из раба". В поэме "Несчастные" он восклицал: "О Русь, когда ж проснешься ты..." И вот теперь в "Размышлениях..." тот же мучительный вопрос: "Ты проснешься ль, исполненный сил..." И вопрос этот, увенчивающий всю сложную композицию, психологически был подготовлен еще первой частью стихотворения: вспомним самый облик убогих странников, их робкие фигуры, крестящиеся в сторону церкви; ни тени недовольства, ни намек на протест не видно в поведении "пилигримов". Беззлобно повторяя "суди его бог!", они безнадежно разводят руками.

И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

Значит ли это, что поэт терял веру в силы народа или в самом деле мог допустить, что народ "духовно навеки почил"? Нет, конечно. Это противоречило бы всему тому, что мы знаем из других стихов поэта, где он не раз предсказывал народу светлое будущее. Да, ведь и вопрос,

закрывающий стихотворение, носит отчасти риторический характер, это не только вопрос, но и призыв - призыв к преодолению пассивности, к пробуждению народного сознания.

В стихах следующего, 1859 года, и прежде всего в "Песне Еремушке", уже нет места роковому вопросу: "Ты проснешься ль, исполненный сил..." Интонации "Песни" полны оптимизма, ее строфы проникнуты надеждой. Изображенная в ней ситуация такова: проезжий городской агитатор (его образ совпадает с лирическим "я" Некрасова) обращается о революционной проповедью к крестьянству {См. статью Ф. Евнина "Песня Еремушке" Некрасова и идейно-политическая борьба конца 50-х годов, "Некрасовский сборник", II, 1956, стр. 175.}. При этом в "Песне" противопоставлены два взгляда, две морали. Одну из них внушает крестьянскому ребенку деревенская няня - это ветхая мораль покорности и угодничества: "Ниже тоненькой былиночки надо голову клонить".

Совсем другую песенку поет Еремушке проезжий. Обращаясь к будущему гражданину, он зовет его принести в жертву родине не "холопское терпение", а

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду... {*}

{* В "Современнике" по требованию цензуры было напечатано: "К лютой подлости вражду".}

Вот каким языком заговорил теперь поэт. Это не только сочувствие угнетенным, не только свидетельство "за мир пролитых слез", это прямой призыв к действию, к борьбе, к подвигу:

С этой ненавистью правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьего грозой...

Этот призыв перекликается с теми стихами диалога "Поэт и гражданин", где тоже звучали как лозунг слова: "Иди в огонь за честь отчизны, за убежденье, за любовь..." Призывные строки "Песни Еремушке" только на первый взгляд могут показаться отвлеченными ("ненависть правая", "вера святая"); они наполняются вполне определенным содержанием, как только мы услышим, какие "человеческие стремления" поэт хочет пробудить в душе спящего младенца:

С ними ты рожден природою -
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Некрасов, конечно, не случайно вспомнил здесь лозунги Великой французской революции. Они отвечали идеалам и стремлениям русских революционеров-шестидесятников, ждавших революционного взрыва и готовых жертвовать собой во имя "святого дела". И Некрасов как бы благословлял их решимость.

Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца, -

убеждал он своих современников. Создавая эти стихи, он не был одинок. Рядом с ним были и Чернышевский и Добролюбов, находившиеся в это время в расцвете своей деятельности. Первый из них высоко ценил эти стихи, недаром в романе "Что делать?" молодежь, собравшаяся у Кирсановых (глава V), хором поет "Песню Еремушке". А Добролюбов даже принимал косвенное участие в, создании "Песни".

Известно, что "Песня" была написана в квартире Добролюбова и, видимо, под впечатлением разговоров, тема которых особенно занимала тогда руководителей революционно-демократического движения, - тема воспитания молодежи, пробуждения в ней

"человеческих стремлений". Этой теме посвящены многие статьи Добролюбова 1859 года, опубликованные в "Современнике". В них критик с ожесточением развенчивал старую мораль покорности и смирения (ту самую, которой придерживалась няня Еремушки) и утверждал высокую мораль борьбы за освобождение человека, мораль подвига. При этом Добролюбов писал о естественных стремлениях, заложенных в каждом человеке, о его праве на внутреннюю свободу и счастье ("С ними ты рожден природою", - говорится об этих же стремлениях в "Песне Еремушке").

Публицистические призывы Добролюбова идейно близки некрасовскому стихотворению. Эта близость приводила нередко даже к стилистическим совпадениям. "Почувствуйте только как следует права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы... придете к кровной вражде с общественной неправдой", - писал Добролюбов (статья "Новый кодекс русской практической мудрости"). "Над неправдою лукавою грянешь божьего грозой", - предсказывал поэт будущему гражданину. В одной политической атмосфере рождались эти документы - памфлет Добролюбова и "Песня" Некрасова, род революционной прокламации в стихах.

Именно так рассматривал эти стихи и сам Добролюбов. Он пользовался ими для подкрепления своих взглядов, цитировал в статьях, в письмах к друзьям. Он знал разные редакции некрасовской "Песни" и хранил у себя один из черновых автографов. Уже после того как "Песня" была напечатана, он старался сделать ее как можно более известной в читательских кругах; при этом он хлопотал о том, чтобы донести до читателей подлинный некрасовский текст, а для этого указывал на цензурные искажения в журнальной публикации. Вот что писал Добролюбов одному из своих друзей - Ивану Бордюгову 20 сентября 1859 года: "... Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить песню Ере-мушке Некрасова, напечатанную в сентябрьском "Современнике". Заменяй только слово "истина" - равенство, "лютой подлости" - угнетателям; это - опечатки... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости..." Слова критика напоминают, что смысл стихотворения можно понимать широко, как аллегорию: младенец с крестьянским именем - это собирательный образ народа, он символизирует спящую крепким сном крестьянскую Русь, над которой раздаются две песни - усыпляющая и пробуждающая, зовущая к борьбе.